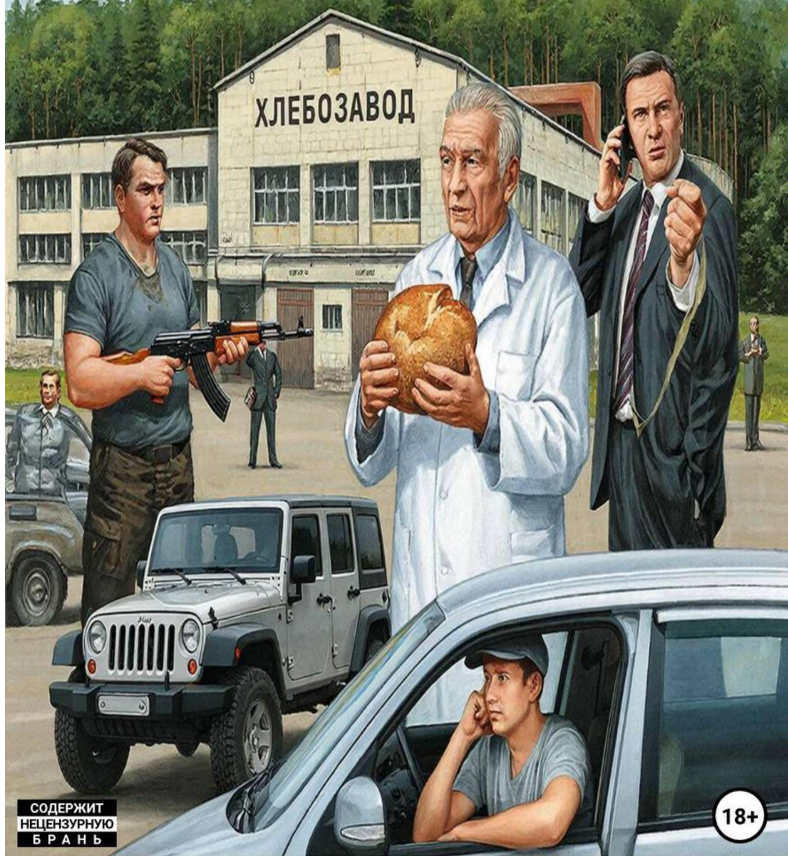

АНДРЕЙ ЖАГЛОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БОЙНЯ НА СТАНЦИИ ЗИМИНСК

Андрей Жаглов

Бойня на станции Зиминск

<https://litres.ru/73102893>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Таксист Денис находит в машине бумажник пропавшего аудитора и попадает в мясорубку войны за лес, деньги и власть в застывшем сибирском городке. Чтобы выжить, ему придётся стать невидимым свидетелем игры, где ставка жизнь, а правда убивает чаще пули.</p>

Содержание

ГЛАВА 1: НАХОДКА В САЛОНЕ	4
ГЛАВА 2: АРХИВ «ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧЕЙ»	19
ГЛАВА 3: ЛЕСНОЙ КОРОЛЬ И ЕГО НАСЛЕДНИК	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Жаглов

Бойня на станции Зиминск

ГЛАВА 1: НАХОДКА В САЛОНЕ

Запах въедается в тебя навсегда. Ты не замечаешь его, пока не уезжаешь из города, а потом, где-нибудь на море, воняешь этим коктейлем из сигаретного перегара, дешёвого освежителя «Хвоя» и ввевшейся в кожу сидений человеческой усталости. Это запах такси. Мой запах.

Денис Курбатов, тридцать восемь лет, один раз женат, один раз разведён, отец девочки-подростка, которая живёт с бывшей в Иркутске, выключил счётчик. «Место прибытия» – район пятиэтажек, который все называли «Китай-город» не из-за экзотики, а потому что дома были кривые, покосившиеся, и казалось, вот-вот рухнут. Пассажир – мужчина в спортивном костюме, от которого несло потом и пивом, – молча отсчитал купюры, недоплатив десять рублей. Денис вздохнул, но спорить не стал. Не из благородства. Из усталости. Он отработал четырнадцать часов, и каждая кость в теле гудела отдельной, монотонной нотой.

«Спасибо, – буркнул пассажир и вывалился из машины, тяжело хлопнув дверью. – Везёшь как на гробах».

Денис не ответил. Он смотрел в лобовое стекло на тёмные

окна хрущёвки. В одном из них, на третьем этаже, должен был гореть свет – там жила его мать. Но окно было чёрным. Мама, наверное, легла спать. Или смотрела телевизор в комнате. Он обещал заехать, помочь с балконом, который грозился отвалиться. Не заехал. Опять.

Он завёл двигатель, чтобы прогреть салон – ночь опустилась колючая, сибирская, хотя на календаре был только октябрь. Пока мотор работал на холостых, решил прибраться. Не то чтобы он был чистюлей, но бардак отвлекал, а водить нужно было с холодной, кристальной концентрацией. Ошибка на дороге – и можно не доехать. Вообще.

Снял с пассажирского сиденья чехол, вытряхнул крошки, окурки. Протёр тряпкой приборную панель, убрал пустую бутылку из-под воды. Потом взял щётку с длинной ручкой и прошёлся под передними креслами. Из-под пассажирского что-то выкатилось. Не монета – что-то мягкое, но плотное. Денис наклонился, вытащил.

Бумажник. Чёрная кожа, толстая, добротная. Не местный ширпотреб из магазина «Автозапчасти», а что-то дорогое, столичное. В руке лежал увесисто, с достоинством.

Денис сел на своё место, включил плафон. Щёлкнул замком.

Первое, что увидел – пачка денег. Не огромная, но солидная. Тридцать, может, сорок тысяч рублей. Сердце на мгновение ёкнуло диким, животным надеждой: Нашёл. Сейчас спрячу. Машину отремонтирую, за квартиру матери запла-

чу, Лизке в Иркутск перешлю...

Он отогнал мысль, как муху. Не его. Деньги имеют свойство приходить и уходить, а проблемы – оставаться. Вытащил то, что было в отделениях.

Водительские права. Фото: мужчина лет сорока, строгое интеллигентное лицо, короткая стрижка, тёмные глаза, смотрящие прямо в объектив без улыбки. Имя: Артём Вольский. Место жительства: г. Москва. Категории: В, С. Выдано ГИБДД Москвы.

Две кредитные карты – «Платинум» от солидных банков. Визитки. Несколько – с логотипами аудиторских компаний, одна – частная, просто имя и номер: «Артём Вольский, финансовый консультант». Так, значит, аудитор. Московский. Что он делал в Зиминске? В Зиминск москвичи приезжают редко и по двум причинам: либо командировка в местный филиал чего-нибудь (что маловероятно, филиалов тут почти не осталось), либо дела тёмные, личные.

Денис перебирал кармашки. Медицинский полис, несколько чеков из кафе... И потом – ещё один, потайной кармашек на молнии. Он расстегнул его.

Оттуда выпала фотография.

Не современная, распечатанная на принтере, а старая, матовая, чуть потрёпанная по краям. Фотография девушки. Лет двадцати пяти. Тёмные волосы, собранные в небрежный хвост, светлые, почти прозрачные глаза и – что было самым странным – широкая, открытая улыбка. Улыбка человека,

который смеётся искренне, от всего сердца. На фоне – сосны, озеро, может быть, Байкал. Красивая. Очень.

Денис перевернул фотографию. На обороте, торопливым, рваным почерком, будто писали на колене или в темноте, было написано:

«Лариса, помоги! Они не отпустят. Ищи Шмыка. Не верь никому. А.В.»

Буквы были выведены с таким нажимом, что шариковая ручка продавила бумагу. Крик, застывший в чернилах. Денис почувствовал, как по спине пробежал холодный мурашек. Лариса. Шмык.

В городе был только один Шмык, о котором знали все. Геннадий Шмык. «Лесной король», хозяин сети лесопилок, деревообрабатывающих комбинатов, человек, который лет десять назад держал на ладони пол-области. Потом он умер. Нет, не так – погиб. При странных обстоятельствах. Утонул на рыбалке на Ангаре, тело нашли только через неделю. Говорили, был пьян. Говорили, его убрали конкуренты. Говорили, он сам всё подстроил, чтобы сбежать. Но официально – несчастный случай. А его жена... Да, Лариса. Красивая женщина, моложе его на двадцать лет. После смерти мужа её арестовали за якобы хищения, посадили. Суд был скорый. Сидит где-то до сих пор.

И вот этот московский аудитор, Вольский, пишет её имя на обороте фотографии с криком о помощи. «Ищи Шмыка». Какого Шмыка, если он мёртв? И главное – кто такие «они»?

Денис сглотнул. Слюна была липкой, неприятной. Он нащупал в бумажнике ещё один предмет – не бумажный. Пластиковая карта. Ключ-карта от гостиницы. Логотип: «Гостиница «Ангара», Иркутск». Номера комнаты на ней не было, только штрих-код.

Вольский был в Зиминске, но ключ от гостиницы – в Иркутске. Значит, он туда собирался. Или только оттуда приехал? Запутанно.

Денис положил бумажник на пассажирское сиденье и зажёл сигарету. Дым заполнил салон, смешался с вечным запахом. Он думал. Что делать? Отнести в полицию? Сдать в бюро находок? Но тогда он должен отдать и деньги. А деньги... деньги были так нужны. И потом, эта фотография с криком. Полиция... в Зиминске полиция решала вопросы, но не всегда в пользу справедливости. Он это знал.

Может, попробовать найти самого Вольского? Вернуть лично. Получить вознаграждение. И, может быть, узнать, в чём тут дело. Просто из любопытства. Просто чтобы понять, что за история привела московского аудитора в его такси и заставила потерять бумажник с деньгами и криком о помощи.

Он достал телефон, нашёл в поиске адрес из водительских прав. Улица Ленина, 45. Гостевой дом «Сибирь». Дешёвое место для приезжих, в центре, но в самом его задворках. Денис знал этот дом – подвозил туда пассажиров. Фасад облезлый, но внутри чисто.

Решил ехать сейчас. Пока не передумал.

Гостевой дом «Сибирь» действительно выглядел как спящий: одно окно на первом этаже светилось тусклым жёлтым светом – видимо, администрация. Денис припарковался, взял бумажник и вышел. Воздух укусил за щёки. Он потянул на себя дверь – та звонко звякнула колокольчиком.

За стойкой сидела женщина лет пятидесяти, в тёплом домашнем халате, с лицом, на котором усталость уже въелась в морщины как краска. Она смотрела телевизор, где шла какая-то бразильская мыльная опера с кривым переводом.

– Здравсьте, – сказал Денис. – Извините за беспокойство, поздно. Я таксист. В машине забыли бумажник. Паспорт на Вольского Артёма. Он тут живёт?

Женщина оторвалась от экрана, посмотрела на него без интереса, потом на бумажник. Её глаза сузились.

– Вольский? – переспросила она, и в голосе послышалась какая-то осторожность. – Он... он съехал.

– Когда?

– Три дня назад. И вещей не оставлял. Просто ушёл и не вернулся.

– Может, оставил контакты? Телефон московский?

– Оставлял. Не отвечает. Уже звонили, – женщина пожала плечами. – И не только мы.

– Кто ещё? – спросил Денис, чувствуя, как внутри что-то настораживается.

– Милиция... полиция, сейчас они. Приходили, спраши-

вали. Говорят, пропал человек. Москвич. Работодатель сигнал дал. Так что вы, гражданин, бумажник лучше им и отнесите. В участок на Советской.

Она снова уставилась в телевизор, давая понять, что разговор окончен.

Денис вышел на улицу. «Пропал». Слово повисло в холодном воздухе, тяжёлое, как свинец. Не уехал, не сбежал – пропал. И полиция уже ищет. И у него в кармане лежит бумажник этого пропавшего с деньгами и фотографией, на обороте которой – крик о помощи.

Он сел в машину, но не заводил мотор. Сидел и смотрел на тёмное окно, за которым, возможно, три дня назад жил человек, который что-то знал про Шмыка и его жену. И теперь этого человека нет.

Нужно было думать. Но мозг отказывался работать, требуя хоть какой-то передышки, хоть чего-то простого. Еды, может быть. Или пива. Он тронул с места и поехал к «Гаражу» – бару на отшибе, куда заходили таксисты и дальнобойщики.

«Гараж» был тем самым местом, где пахло жареным мясом, пивом и тоской. Телевизор показывал футбол, но звук был выключен. За стойкой стоял бармен Гриша, бывший водитель КамАЗа, потерявший работу после аварии. Он кивнул Денису, молча налил кружку тёмного, не спрашивая.

Денис присел за свободный столик в углу, поставил кружку перед собой, но не пил. Вытащил бумажник, положил его

на липкую поверхность стола. Снова открыл, снова посмотрел на фотографию. Лариса Шмык. Улыбающаяся. Счастливая. И крик на обороте.

– Эй, Курбатов! О чём задумался? Заработанное считаешь? – хриплый голос прозвучал прямо над ухом.

Денис вздрогнул, инстинктивно прикрыл ладонью фотографию. Перед ним стоял Сергей, по кличке «Чиж» – низкорослый, вертлявый мужик с лицом, изъеденным оспой и жизнью. Они учились в одной школе, разошлись после армии. Чиж крутился где-то на вокзале, то грузчиком, то «решателем вопросов». Денис знал, что он работает на людей авторитета по кличке Карась. Не убийца, не бандит в прямом смысле, а мелкая шестерёнка в большой криминальной машине. Но в последнее время – шестерёнка, которая начала надуваться от важности.

– Привет, Чиж, – сказал Денис без энтузиазма. – Нет, не считаю. Нашёл бумажник, думаю, что делать.

– Нашёл? – Чиж тут же присел напротив, его глаза загорелись любопытством. – Много там?

– Не особо. Документы. Москвич какой-то.

– А, – Чиж разочарованно махнул рукой. – Отдай в полицию и всё. А лучше – выбрось. С москвичами сейчас одни проблемы.

– Какие проблемы? – спросил Денис, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

Чиж огляделся, наклонился через стол. От него пахло де-

шёвым коньяком и луком.

– Да все эти аукционы по лесу, – прошипел он. – После того как Шмык-то наш бултыхнулся, всё пошло вразнос. Москвичи приехали, скупают делянки. Наш Карась, он, конечно, держится, не лыком шит. Но и «Холод» тоже не дремлет.

«Холод». Андрей Полозов. Молодой, лет тридцати, бывший спортсмен-биатлонист, не дошедший до сборной, но оставшийся в городе с амбициями. Женился на дочери полковника в отставке, который до сих пор имел связи в силовых структурах. «Холод» начал с охраны, потом ушёл в лесной бизнес. Говорили, он пытается вести дела «по-белому», легализовать потоки. Но в Зиминске «белого» бизнеса не существовало. Только оттенки серого и чёрного.

– Дерутся? – уточнил Денис.

– Дерутся, – подтвердил Чиж, отхлебнул из Денисовой кружки. – И нам, мелким, от этого ни тепло ни холодно. Только палку не перетяни. А то прижмут. Ты смотри там, с бумажником-то. Мало ли кто этот москвич. Может, он тоже в эту кашу влез.

Он встал, похлопал Дениса по плечу.

– Ладно, я пошёл. Дело есть. Встретимся.

Чиж ушёл, оставив после себя шлейф тревоги. Денис смотрел на его спину, потом на бумажник. «Может, он тоже в эту кашу влез». Каша из леса, денег, смерти Шмыка и пропавшего аудитора.

Он допил пиво, расплатился. Выйдя на улицу, почувство-

вал, как холод пробирает до костей. Нужно было ехать домой, спать. Но сон не шёл. Он сел в машину, поехал медленно, без цели, просто кружил по знакомым улицам, как делал это часто, когда мысли не давали покоя.

Зиминск ночью был другим городом. Днём – серые пятиэтажки, покосившиеся заборы, редкие вывески. Ночью – тёмные пятна пустырей, редкие фонари, создающие круги света, за которыми начиналась тьма. Он проезжал мимо старого хлебозавода – громадного кирпичного здания с трубами, которые уже лет двадцать не дымили. Там горел свет в административном корпусе. Странно. Завод стоял, работу поддерживали в минимальном режиме, только чтобы не развалился окончательно.

На остановке у вокзала он увидел знакомую фигуру. Старик в потрёпанной телогрейке и ушанке сидел на скамейке, сгорбившись, рядом с ним – два потрёпанных чемодана. Денис притормозил. Это был Моня. Иосиф Моисеевич, но все звали его Моня. Бывший директор того самого хлебозавода. Человек-легенда. Проработал там сорок лет, последние двадцать – директором. Говорили, при нём завод был золотым дном, кормил полгорода, а Моня был строг, но справедлив. А потом завод начали «оптимизировать». Сначала сменили собственника, потом начали сокращения. А сегодня, как шептались на парковке, Моню выгнали. Просто вызвали и сказали: «Иосиф Моисеевич, вы нам больше не нужны. Освободите кабинет».

Денис опустил стекло.

– Иосиф Моисеевич! Вам куда? Подбросить?

Старик поднял голову. Лицо его было серым, пепельным, глаза – потухшими. Он смотрел на Денис, будто не сразу узнал.

– А... Денис. Здравствуй. Да мне... до Горизонтов. К сестре.

Горизонты – это район частного сектора на самой окраине. Далеко.

– Садитесь, – Денис вышел, помог загрузить чемоданы в багажник. Старик сел на пассажирское сиденье с тихим стоном, как будто каждое движение причиняло боль.

Они ехали молча. Только мотор ровно гудел. Денис хотел что-то сказать, утешить, но слова застревали в горле. Что сказать человеку, которого вышвырнули на улицу после сорока лет работы?

– Выгоняют, – вдруг тихо сказал Моня. Не жаловался. Констатировал. – Как пса. Ни благодарности, ни пенсии нормальной. Только «спасибо, что были». А я был... Я там жизнь оставил.

– Я слышал, – сказал Денис. – Несправедливо.

Моня горько усмехнулся.

– Справедливость. Это слово здесь давно не в ходу. При Трубчинском была хоть какая-то видимость. Парк построил, дороги кое-какие. А сейчас... – он махнул рукой в сторону тёмного окна. – Пилят. Просто пилят всё, что осталось.

Владимир Трубчинский. Бывший мэр, народный любимец, «свой парень». При нём город хоть и был криминальной вольницей, но жилось в нём как-то веселее, сытнее. Он умер от инфаркта лет десять назад. И началась эпоха Кораванова. Сергей Кораванов, технократ, холодный, неприветливый. При нём бюджет как будто таял на глазах, а взамен возникали только недострои – бассейн, который стоял с голыми стенами уже пять лет, дома для переселенцев из ветхого жилья, больше похожие на сараи.

– Новые хозяева завода, – продолжил Моня, словно разговаривая сам с собой. – Приехали, бумаги почитали, посмотрели на меня как на музейный экспонат и выставили. Им не нужен тот, кто всё помнит. Им нужен тот, кто будет молчать и подписывать.

– А что помнить-то? – осторожно спросил Денис.

Моня повернул к нему своё усталое лицо. В глазах на мгновение мелькнула искра – не то злости, не то горькой иронии.

– Всё, сынок. Все финансовые потоки за двадцать лет. Через мукомольный цех, через элеватор... туда деньги текли рекой. И оттуда же утекали. Я был... хранителем. Хранителем печей. Знаешь, у пекарей есть такое понятие – печь. Она сердце производства. И есть человек, который знает её нрав, её температуру. Я знал температуру всех денежных потоков в этом городе. От Трубчинского до... до нынешних.

Он замолчал, снова уставясь в темноту.

Денис ехал, и слова старика падали в его сознание, как камни в мутную воду. «Хранитель печей». «Денежные потоки». И пропавший аудитор, который искал что-то про Шмыка. И ключ от гостиницы в Иркутске. Всё это было какими-то обрывками одной огромной, тёмной паутины.

Он довёз Моно до дома – небольшого, покосившегося домика на краю посёлка. Помог вытащить чемоданы.

– Спасибо, Денис, – сказал старик, пожимая его руку. Его ладонь была сухой и шершавой, как наждачная бумага. – Ты хороший парень. Не теряй это. Здесь это быстро теряют.

Денис вернулся в машину. Было уже за полночь. Он поехал домой, в свою однокомнатную квартиру в панельной девятиэтажке. Подъезд вонял кошачьей мочой и сыростью. Он поднялся на пятый этаж, открыл дверь.

Тишина. Пустота. Он включил свет, скинул куртку. Поставил чайник. Потом вытащил бумажник Вольского, положил на кухонный стол. Документы, деньги, фотография, ключ-карта.

Он взял в руки ключ-карту. «Гостиница «Ангара», Иркутск». Может, стоит позвонить туда? Спросить, не останавливался ли там Вольский? Но что он скажет? «Здравствуйте, я таксист из Зиминска, у меня ключ от вашего номера, вы не знаете, где хозяин?» С него посмеются. Или, что хуже, повесят трубку и позвонят в полицию.

Он перевернул фотографию. «Лариса, помоги! Они не отпустят. Ищи Шмыка».

Кого искал Вольский? Покойного олигарха? Или что-то, что принадлежало Шмыку? Архив? Документы? Деньги?

И тут его осенило. Моня сказал: «Я знал температуру всех денежных потоков». А что, если Вольский, московский аудитор, приехал в Зиминск не просто так? Что, если его наняли или он сам решил разобраться в схемах, которые остались после Шмыка? И он вышел на Моню. На «Хранителя печей». А потом... потом пропал.

Денис почувствовал холодный пот на спине. Он случайно оказался в самой середине чего-то большого и опасного. У него в руках были вещи пропавшего человека, который, возможно, слишком близко подошёл к правде. И теперь за этой правдой охотились все: и люди Карася, и «Холод», и, возможно, те самые московские рейдеры, которые раздербашили империю Шмыка.

Он спрятал бумажник на верхнюю полку шкафа, за стопку старого белья. Заварил чай, сел у окна, смотрел на тёмный двор. В голове крутились обрывки разговоров, образы. Улыбающаяся Лариса Шмык. Строгое лицо Вольского. Пепельное лицо Мони. Ухмылка Чижа.

Он был таксистом. Он возил людей из точки А в точку Б. Он не был героем, не искал приключений. Его жизнь была простой и предсказуемой: смена, деньги, ремонт машины, алименты, визиты к матери. Он не хотел влезать в эту тёмную историю.

Но он уже был в неё влез. Он нашёл бумажник. Он узнал

про Вольского. Он поговорил с Мoneй. И теперь знал слишком много, чтобы просто отнести бумажник в полицию и забыть.

Система. Чиж говорил о системе. Мoneя говорил о системе. При Трубчинском была одна система, при Кораванове – другая, но суть – одна. Деньги. Власть. Лес. Хлеб. И маленькие люди, которых эта система перемальвала.

Денис допил чай. Решение пришло не как озарение, а как тяжёлое, неизбежное понимание. Он не мог просто забыть. Он не мог выбросить бумажник. Он должен был узнать, что случилось с Вольским. Хотя бы потому, что он теперь был единственным, кто знал про фотографию и крик о помощи. Он стал свидетелем. Невольным, случайным, но свидетелем.

А свидетель, как он смутно понимал, – это уже роль. И очень опасная.

Он лёг спать, но сон не шёл. Перед глазами стояла фотография. Улыбка Ларисы. И строки на обороте, написанные рукой человека, который, возможно, был уже мёртв.

За окном завывал ветер. Где-то там, в тёмных улицах Зиминска, шла своя, тихая война за лес, за деньги, за власть. И он, Денис Курбатов, таксист, только что сделал первый шаг на её минное поле.

ГЛАВА 2: АРХИВ «ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧЕЙ»

Дождь начался ночью и к утру превратился в мелкую, назойливую морось, которая не льётся, а висит в воздухе, пропитывая всё насквозь – асфальт, стены домов, лица прохожих. Денис вышел из подъезда, поднял воротник куртки и сразу почувствовал ледяную сырость на шее. Город в такую погоду казался ещё более серым и безнадёжным.

Он провёл ночь в тревожных, обрывистых снах, где лица Вольского, Мони и незнакомой девушки с фотографии сливались в одно пятно, а голос Чижа шептал: «Мало ли кто этот москвич». Утром первым делом полез на верхнюю полку шкафа – бумажник был на месте. Он вытащил его, снова посмотрел на фотографию, на ключ-карту. Что делать дальше? Полиция была самым логичным, но и самым опасным шагом. В участке на Советской сидел майор Глухов, человек с глазами-щёлочками и репутацией «договорняка». Отнести ему бумажник пропавшего москвича – всё равно что бросить его в чёрную дыру. Документы, возможно, оформят, а крик о помощи на обороте фотографии «заметут» как несущественную деталь. Или, что хуже, начнут задавать вопросы самому Денису. Слишком много вопросов.

Нужен был другой путь. И этот путь, он чувствовал, лежал

через старика Моню. «Хранитель печей». Человек, который знал «температуру всех денежных потоков».

Он сел в машину, но вместо того чтобы начать смену, поехал в «Горизонты». Район частного сектора выглядел особенно уныло под осенним дождём: покосившиеся заборы, лужи цвета ржавчины, дымок из редких труб. Дом Мони он нашёл легко – тот самый покосившийся домик с облупившейся голубой краской. Во дворе стоял старый «Москвич», похожий на брошенную черепаху.

Денис постучал в дверь. Долгое время не было ответа, потом послышались шаркающие шаги. Дверь открылась не сразу – сначала приоткрылось окошко сварной решётки, потом щелкнул замок. Моня стоял на пороге в том же телогрейке, лицо его было серым, но взгляд – более собранным, чем вчера.

– Денис? – удивился старик. – Что случилось?

– Можно войти? На минуту. Хочу поговорить.

Моня молча отступил, пропуская его внутрь. Домик состоял из двух комнат, пахло старостью, лекарствами и тлением. В маленькой кухне на столе стоял недопитый стакан чая и лежала потрёпанная тетрадь в клеёнчатом переплёте.

– Садись, – сказал Моня, указывая на табурет. Сам опустился на другой, согнувшись, будто нести груз собственного тела было ему не под силу. – Чай хочешь? Холодный уже.

– Не надо. Иосиф Моисеевич, вчера вы сказали... что знали все финансовые потоки. Что через завод проходили день-

ги.

Моня взглянул на него исподлобья, осторожно.

– Сказал. Старость – не радость, язык без костей. К чему это?

Денис решил играть в открытую. Он достал из внутреннего кармана бумажник, положил его на стол рядом с тетрадью. Не открывая, ткнул пальцем в кожу.

– Вчера после нашей поездки я нашёл это в машине. Бумажник. В нём документы на москвича – аудитора по имени Артём Вольский. Он пропал. И есть фотография Ларисы Шмык с криком о помощи на обороте.

Он наблюдал за лицом старика. Сначала там не было ничего, кроме привычной усталости. Потом, когда он произнёс «Шмык», веки Мони дрогнули. А когда он сказал «крик о помощи», старик медленно, с усилием выпрямил спину.

– Покажи, – тихо сказал Моня.

Денис открыл бумажник, вытащил фотографию, передал её. Моня достал из кармана телогрейки очки в железной оправе, водрузил на нос. Долго смотрел на снимок, потом медленно перевернул. Прочитал надпись. Его пальцы, узловатые, с жёлтыми пятнами, слегка задрожали.

– «Ищи Шмыка», – вслух прочёл он. Голос был глухим, без интонации. Он положил фотографию на стол, снял очки, протёр их тряпицей. – Этот Вольский... он ко мне приходил. Две недели назад.

Теперь вздрогнул Денис. Он интуитивно предполагал

связь, но услышать подтверждение было другое дело.

– Что он хотел?

– Он искал... правду, наверное, – горько усмехнулся Моня. – Как все они. Приезжие, умные, с бумажками из Москвы. Думают, что приедут, покопаются в документах и всё поймут. Не понимают, что здесь правда – это не цифры в отчёте. Это грязь, кровь и молчание.

– Он спрашивал про Шмыка?

– Спрашивал. Про то, куда уходили деньги с его лесопилок. Про то, кто был посредником в сделках. А потом спросил про «печи». Прямо так и сказал: «Мне сказали, вы – Хранитель печей. Вы знаете, где лежат все угли».

Денис почувствовал, как у него перехватило дыхание.

– Что это значит? «Угли»?

Моня посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. Казалось, он решал: можно ли доверять? Или уже поздно что-то решать?

– На хлебозаводе, – начал он медленно, – есть главная печь. Без неё – нет хлеба. Но есть и другие «печи». Не из кирпича. Счета. Офшоры. Фирмы-однодневки. Через них при Трубчинском отмывались все деньги: и бюджетные, и криминальные. Лес, уголь, даже... – он сделал паузу, – даже наркотики, что теперь по городу как зараза расползаются. Всё проходило через мукомольный комбинат. На бумаге мы закупили зерно по завышенным ценам у фирм-призраков, а разницу выводили. Чистые деньги текли обратно – в карма-

ны, на стройки, на выборы. Я... я был бухгалтером этой кухни. Не по зову сердца. Сначала – потому что так велел Трубчинский. Он был хозяин города. Потом – потому что иначе... иначе меня бы не стало. А у меня семья была.

Он замолчал, глядя в стену, где висела потускневшая фотография – он, молодая женщина и двое детей.

– Шмык, – продолжил Моня, – был частью этой системы. Но он был... слишком большим. Слишком самостоятельным. Он начал тянуть одеяло на себя. Лес – это золотое дно. И москвичи, которые при Трубчинском были младшими партнёрами, захотели всего. Шмыка убрали. Сделали это красиво – несчастный случай. А его империю раздербанили. Но Шмык был не дурак. Он знал, что его могут убрать. И он создал архив. «Сундук», как он его называл. Цифровой. Где была вся финансовая схема его бизнеса и его связи с... со всеми. С Трубчинским, с москвичами, с Карасем. Всё.

– И где этот архив? – спросил Денис, почти не дыша.

– Не знаю, – честно сказал Моня. – Шмык никому не доверял. Но Вольский думал, что я знаю. Он сказал, что его наняла сестра Ларисы Шмык, чтобы попробовать её оправдать, найти настоящих виновных. И для этого нужен был архив. Доказательства отмыывания денег, связей. Он вышел на меня через старые бухгалтерские отчёты. Спрашивал про конкретные транши, даты. Я... я ему кое-что рассказал. Старое, уже не опасное. Но он копал глубже. И он стал опасен.

Моня потянулся к тетради на столе, погладил её потрё-

панный переплёт.

– Перед тем как меня выгнали, я успел сделать кое-что. Не из благородства. Из страха. Я знал, что новые хозяева – это люди Карася. И московские рейдеры, которые делили шкуру Шмыка. Они пришли не для того, чтобы поднимать производство. Они пришли, чтобы окончательно вычистить все следы и запустить свои потоки. Наркотики, оружие, контрабанда леса – всё должно было идти через те же каналы. А я – живой свидетель. Ненужный свидетель. Поэтому я скопировал всё. Все финансовые архивы за последние двадцать лет. Не на флешку – её могут найти. Я... я старомоден.

Он открыл тетрадь. Внутри, аккуратным, убористым почерком, были записаны колонки цифр, даты, названия фирм, суммы. Рядом – схемы, стрелочки, инициалы. Это была карта. Карта тёмных финансов города.

– Это... это всё здесь? – прошептал Денис, глядя на эти страницы, чувствуя головокружение. Он смотрел на цифры с шестью и семью нулями, на знакомые и незнакомые названия. Видел инициалы «Г.Ш.» – Геннадий Шмык. «В.Т.» – Владимир Трубчинский. «К.» – Карась. И другие, более осторожные: «Моск.П.» – московские партнёры. «С.К.» – Сергей Кораванов, нынешний мэр.

– Всё, что я помнил и что успел вытащить из служебных бумаг, – кивнул Моня. – Это смертный приговор. Мне. И, наверное, тебе тоже, теперь, когда ты это видел.

– Зачем вы мне это показываете? – спросил Денис, и в го-

лосе прозвучала невольная обида. Его втянули в это против воли.

– Потому что ты принёс фотографию с криком о помощи, – тихо сказал старик. – Потому что ты единственный, кто пришёл. И потому что Вольский пропал. Его нет. А за этим архивом уже охотятся. Карась знает, что я что-то забрал. Его люди уже были здесь. Вчера, после того как ты уехал. Стучали, спрашивали про «бумаги с завода». Я сказал, что всё сдал, ничего нет. Не поверили. Сказали, вернутся.

Денис посмотрел в окно. За мокрым стеклом был пустой двор, покосившийся забор. Но теперь этот покой казался зловещим. Забор был слишком низким, чтобы остановить тех, кто захочет войти.

– Что мы будем делать? – спросил он, и это «мы» вырвалось само собой. Он уже был частью этой истории.

– Архив нужно спрятать. Не здесь. И... возможно, нужно попробовать сделать то, что не успел Вольский. Найти «сундук» Шмыка. Только там есть реальные доказательства, цифровые следы, сканы документов. Моя тетрадь – это ключ. Но сам сундук – это оружие.

– А где его искать? Шмык не доверял никому.

– Он доверял тайге, – сказал Моня неожиданно. – Он был из лесников. Любил охотиться, рыбачить. У него была избушка в глубине, за старыми вырубками. Там, где сейчас деланки Карася и «Холода» спорные. Вольский говорил, что проверял эту версию. Он ездил туда. И потом... потом про-

пал. Ключ от гостиницы в Иркутске у тебя?

Денис кивнул, поражённый.

– Возможно, он что-то нашёл. Или испугался. И спрятал находку в Иркутске, в номере. А ключ оставил при себе, как напоминание. И потерял его в твоей машине.

Логичная цепь. Слишком логичная, чтобы быть случайностью.

– Значит, нужно ехать в тайгу? Искать избушку? – Денис не мог поверить, что произносит эти слова.

– Не мы. Мы – старик и таксист. Нас там сожрут. Нужен кто-то... с силой. С ресурсами. И с интересом.

– «Холод»? – предположил Денис, вспоминая слова Чиж. Моня задумался.

– Андрей Полозов... Он пытается воевать с Карасем. Он хочет легализовать бизнес, выйти из тени. Архив Шмыка для него – козырь против Караса и против москвичей. Возможно... возможно, он согласится помочь. Но доверять ему нельзя. Он – продукт той же системы. Просто другого поколения.

План, который рождался здесь, на кухне покосившегося домика, был безумным. Довериться криминальному авторитету нового поколения, чтобы найти архив старого, и всё это для того, чтобы, возможно, помочь жене покойного олигарха, о которой никто не вспоминал годами. И всё это на основе тетрадки старика и бумажника пропавшего аудитора.

– Это самоубийство, – тихо сказал Денис.

– Жить в этом городе и ничего не делать – тоже самоубийство, – ответил Мونها. – Просто растянутое во времени. Я сорок лет молчал. Смотрел, как всё гниёт. Может, перед смертью стоит один раз сказать правду. Или попробовать.

Он закрыл тетрадь, протянул её Денису.

– Возьми. У меня её могут найти. Спрячь. Если что... если со мной что-то случится, попробуй сделать что-нибудь. Или сожги. Чтобы не досталась им.

Денис взял тетрадь. Она была тяжёлой, не только от бумаги. От ответственности.

– А вы? Вас нельзя оставлять здесь одному.

– Я сегодня уеду к родственникам в другой район. На время. А ты... будь осторожен. И не рассказывай никому. Даже тем, кого знаешь давно. Особенно им.

Они договорились связаться через три дня, через старый, ни к чему не привязанный номер таксофона у вокзала. Денис спрятал тетрадь под куртку, вышел под холодный дождь. Ощущение было такое, будто он уносил не книжку, а живую, горящую угольную жаровню.

Он поехал не домой. Он поехал на заброшенную стройку бассейна – символ эпохи Кораванова. Бетонная коробка с торчащей арматурой, заросшая бурьяном. Там, в одном из пустых технических помещений в подвале, где когда-то должны были быть фильтры, у него была «заначка» – старый сейф от разорившегося магазина, который он когда-то подобрал и затащил сюда. Туда он складывал то, что боялся хра-

нить дома: паспорт дочери, её детские фотографии, немного денег на чёрный день. Туда же он положил теперь тетрадь Мони. Закрыв сейф, завалил его обломками плиты, вышел на воздух.

Дождь почти прекратился. Он стоял, глядя на уродливый остов бассейна, и думал о том, что в этом городе ничего не строится до конца. Только разрушается. И система, о которой говорил Моня, была таким же недостроем – гнилым, опасным, но продолжающим стоять, потому что всем было удобно в его тени.

Его телефон зазвонил. Незнакомый номер.

– Алло?

– Денис, это Чиж, – голос звучал натянуто, не по-дружески. – Где ты?

– Работаю. Что надо?

– Встреться. Надо поговорить. Про того москвича.

Денис похолодел.

– Какого москвича?

– Не гони, – раздражённо сказал Чиж. – Про того, чей бумажник ты нашёл. Про Вольского. Тут интересуются.

– Кто интересуется?

– Люди. Серьёзные. Говорят, этот Вольский – нехороший человек, документы важные понабрал. И бумажник его нужно найти. Срочно. Ты если нашёл – лучше отдай. Или скажи, где. А то, братан, могут и к тебе интерес проявить. Встретимся? Я в «Гараже».

Денис посмотрел на часы. Он чувствовал, как по спине ползёт ледяная полоса пота.

– Ладно, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Час. Я подъеду.

Он положил трубку. Его руки дрожали. Карась уже знал. Или его люди. И они вышли на него через Чижа. Его школьного друга, который теперь был «шестерёнкой». Система начинала двигаться, затягивая его в свои шестерни.

Он сел в машину, завёл мотор. В голове крутилась одна мысль: нужно было принимать решение. Бежать? Но куда? И как оставить мать, дочь? Идти к «Холоду»? Но это значит прыгнуть из огня в полымя.

Он смотрел на руль, на потёртую кожу. Он был таксистом. Он знал дороги этого города как свои пять пальцев. Но сейчас все дороги, казалось, вели в тупик. Или на станцию Зиминск, под большие часы, где, как он смутно чувствовал, однажды должна будет решиться чья-то судьба.

Возможно, его собственная.

Он тронулся с места. Ему нужно было ехать в «Гараж». Смотреть в глаза Чижу. И пытаться понять, насколько глубоко он уже погрузился в тёмные воды, из которых, возможно, уже не было выхода.

ГЛАВА 3: ЛЕСНОЙ КОРОЛЬ И ЕГО НАСЛЕДНИК

Дождь окончательно перестал, но на смену ему пришла густая, влажная мгла, окутавшая город как вата. Фары машин пробивали её лишь на несколько метров. Денис ехал к «Гаражу» медленно, на автопилоте, в голове стучал один и тот же вопрос: «Как они узнали?».

Вариантов было два. Либо хозяйка гостевого дома связала его визит с бумажником и проболталась кому надо. Либо – что было страшнее – за ним уже следили. Возможно, с того самого момента, как он вышел из гостевого дома «Сибирь». В городе, где все всё видят, невидимыми остаются только профессиональные тени.

Он припарковался в двух кварталах от «Гаража», в тёмном проулке между гаражами-ракушками. Вышел, постоял минутку, прислушиваясь. Тишина, нарушаемая только далёким лаем собаки и гулом трансформаторной будки. Казалось, никого. Но ощущение, что за ним наблюдают, не покидало – тяжёлый, липкий взгляд в спину.

Денис зашёл в бар не через главный вход, а через чёрный ход со стороны двора, мимо мусорных контейнеров. Гриша, бармен, поднял на него удивлённые глаза, но ничего не ска-

зал, только кивнул в сторону зала. Чиж сидел за тем же столиком в углу, но не один. Рядом с ним – человек, которого Денис знал в лицо, но никогда лично не встречал. Дмитрий, по кличке Дмитрик. Правая рука Карася. Бывший боксёр, с приплюснутым носом и спокойными, абсолютно пустыми глазами хищника, который уже сыт и просто наблюдает. Он был в дорогой чёрной куртке, пил кофе из маленькой чашки.

Чиж выглядел нервным, он постукивал пальцами по столу, избегал встречи взглядом. Дмитрик же, напротив, излучал расслабленное спокойствие. Он посмотрел на Дениса, слегка кивнул, приглашая сесть.

«Вот и всё, – подумал Денис с ледяным спокойствием отчаяния. – Лифт поехал вниз, и кнопок внутри нет».

Он подошёл, сел на свободный стул. Молчание повисло густым, неловким облаком.

– Привет, Денис, – первым нарушил его Дмитрик. Голос у него был неожиданно тихим, почти ласковым. – Чиж говорит, ты нашёл какой-то бумажник.

– Нашёл, – коротко ответил Денис. Врать было бесполезно.

– И что, отнёс его уже? В полицию? Или ещё при себе?

Денис почувствовал, как Чиж под столом пинает его ногой – мол, будь осторожней. Но было поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.